

**Специальная сессия
при Международном симпозиуме
«Куда идет Россия:
альтернативы общественного развития»**

Политические идеологии современной России

Вопросы для обсуждения

1. Возможно ли (и "нужно ли") возникновение в современной России идеологий, способных осуществлять функции политической мобилизации, репрезентации и социальной интеграции?
2. Если да, то каковы — на парадигмальном уровне — содержательные и нормативные "параметры" таких идеологий?
3. Какие социальные субъекты могут выступить носителями, адресатами и "продуцентами" таких идеологий?
4. Как будет осуществляться такими идеологиями функция легитимации—делегитимации существующей в России власти?
5. Каковы возможные конфигурация и логика взаимодействия идеологических формаций в современной России с точки зрения осуществления ими указанных выше функций?

*В.Б.Пастухов,
кандидат юридических наук,
Институт сравнительной политологии РАН*

**Культура и государственность в России: эволюция
евро-азиатской цивилизации**

Из всего "веера" идей относительно настоящего и будущего России наиболее законченными выглядят два концептуальных положения, тесно связанные между собой:

— коммунистический режим в России был исторической аномалией, отклонением от "нормального", "общечеловеческого" пути, вызванным как субъективными (точка зрения большинства), так и объективными (мнение меньшинства) причинами;

— распад коммунистической системы в России приведет к утверждению в российском обществе принципов и ценностей западной демократии, что, таким образом, еще раз подтвердит их универсальность.

В этом выступлении я попытаюсь обосновать принципиально иные тезисы, связанные с указанной проблематикой, а именно:

— российский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации; для России это была исторически логическая фаза ее развития;

— поскольку Россия представляет иной, чем Запад, тип культуры, то распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации; в посткоммунистическом российском обществе западные ценности

не могут быть прямо заимствованы и усвоены, но неизбежно будут перерабатываться чуждой для них культурной средой.

Методологические рамки выступления заданы следующими перечисленными ниже положениями.

Россия — это особый мир. Ее история — история развития уникальной мировой культуры, отличающейся от культур Запада и Востока.

Российская культура имеет гетерогенный характер, соединяя в себе европейское личностное и азиатское общинное начала.

Культура России образуется как неорганическое (неоднородное) явление и движется к органичности через длительную эволюцию.

История России — это прежде всего постоянная культурная трансформация.

Субстанциональным воплощением неорганичности российской культуры является государство. Многие века государство в России было важнейшим фактором этногенеза. Именно поэтому вопрос о судьбе государственности всегда был принципиальным для общества.

Неорганичность российской культуры проявляла себя во времени как неравномерность исторического развития.

Периодические общественные кризисы имманентны российскому развитию. Именно в такие моменты происходил переход от одного внутреннего "культурного типа" к другому.

Российская революция есть прежде всего культурная революция.

Циклы развития российской культуры

В истории России традиционно выделяют пять эпох, олицетворяющих собой различные типы культуры: древнекиевский период, время удельных княжеств, Московское царство, Российская империя и Советская Россия. Строго говоря, российской истории принадлежит только три последних. Древняя Русь и феодальные княжества под татаро-монгольским господством — предыстория России, когда закладывались предпосылки ее культуры. Собственно российская история как история развития особой цивилизации начинается с возникновения Московского государства.

На первый взгляд Московское царство было азиатской монархией в полном смысле слова*. Государственный строй был точным слепком с патриархально-общинного уклада, а тип вотчинладельца — полного господина над своими имениями — лежал в основании власти государя и повторялся до последнего подданного. В этом отношении быт Московского царства представлял собой удивительное тождество. Все и вся были крепостными, обязанными нести службу или отправлять работу до смерти и наследственно, подчинялись закону общины. Само государство, казалось, было лишь *моментом* в ее вечном и неизменном движении. Нигде индивидуальность не имела простора и личностность не проявляла себя. Государственная власть ничем не выказывала того, что на нее возложена какая-то особая миссия, не обнаруживала своей главной функции — генератора общественного развития.

Петровская империя, признанная самой неорганичной эпохой российской истории, обычно противопоставляется Московскому царству

* *Кавелин К.Д.* Мысли и заметки по русской истории. — В кн.: *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 229.

как времени единства культуры и народного бытия. Такое противопоставление, по-моему, некорректно. В культурном отношении Московское царство было равно неорганичным, как и наследовавшая ему Империя, но в скрытой (латентной) форме. Петровская эпоха не породила неорганичности, а лишь актуализировала, сделала явным то, что было заложено с самого начала формирования российского государства.

Индивидуальное начало незримо присутствует в российской истории испокон веков. Было готово к выполнению своей особой миссии и государство. Но в Московском царстве истинная роль личности и державы едва видима под старыми, традиционными формами*. Об этом можно судить лишь по косвенным признакам, хотя бы по тому, как развивалось казачество и как активно велась борьба с местничеством в государственной жизни.

Внутри традиционного уклада и часто вопреки ему рождалась личность, которой было тесно в общине с ее неподвижными устоями. Она не хотела покорно нести вместе со всеми тяготы коллективного "государственного рабства" и рвалась на простор. Широкое распространение по землям России казачества — свидетельство медленного созревания кризиса в самой общине: индивидуальное, личностное начало входило в конфликт с коллективным, общинным. Всю государственную жизнь той эпохи пронизывает и борьба царской власти с обычаями местничества, предполагавшими распределение должностей по знатности родов. Ее цель была двоякой. С одной стороны, забота о повышении эффективности государственного управления вынуждала государя стараться производить назначения с учетом прежде всего личных качеств кандидата, его способностей верно служить и выполнять установки. С другой — сопротивляясь местничеству, царь боролся за собственную эмансипацию от патриархального мира, за право властвовать по своему разумению и воле, а не соответственно традициям. Эти новые управленческие идеи московских государей указывают на достаточную распространенность элементов личностной, индивидуальной культуры, ибо (вспомним к случаю Маркса) сама задача не может появиться раньше, чем созрели условия для ее решения.

Значит, в общественной и государственной жизни Московского царства постепенно определялось противостояние двух начал, составляющих основу российской культуры. Рано или поздно должен был наступить момент, когда оно открыто проявит себя. Это случилось в XVII в.: власть в России вплотную подошла к необходимости осуществления глубоких реформ.

Московское царство впало в глубокий кризис. Со всей очевидностью обнаружилась его слабость по отношению к западным соседям. Их превосходство состояло не в грубой силе, а прежде всего в знании, искусстве, организованности, технике, т.е. во всем том, что может быть получено лишь благодаря использованию личной энергии индивида, достигшего относительно высокой степени развития. Здесь нельзя было победить средствами, какими боролись раньше против нашествия с Востока. Потому Россия, не так давно одержавшая верх над

---

* Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России. С. 48.

Азией, терпит сокрушительное поражение от Европы. Для сопротивления Западу Московии нужна была культурная революция, которая помогла бы ей самой овладеть европейскими знаниями и техникой.

Но и внутри России началось великое брожение*. Сотни тысяч людей бросали насиженные места, порывали с общиной и уходили на окраины в казаки. Государственное управление деградировало. Традиционные властные институты не действовали в новых условиях. Кризис охватил православие. Сохранялась лишь внешняя религиозность, о чем свидетельствовали резкое падение нравов, повсеместное распространение пьянства и варварства.

В таких условиях стала заметной активная созидательная роль российского государства. Дело даже не в реформах, затеявшихся властью. Важнее другое: государство, содействуя развитию личностного начала, приступило к последовательному "насаждению" новой культуры. Расслоение общества по *"культурным типам"* становилось наконец зримым. Появлялось все больше самостоятельно мыслящих людей, подвергавших сомнению непоколебимость старинных устоев. Особенно отличалась здесь, конечно же, столица. Но в провинции все оставалось по-прежнему. Суеверие и идиотизм деревенской жизни господствовали на огромных просторах. И у этой массы были свои пастыри, фанатичные начетчики, истово ненавидящие всякую самостоятельную мысль, всякое не освященное древней традицией слово.

Все дальше расходились между собой русские люди. Отчетливее обозначалась пропасть между двумя "культурными типами", выростающими на российской почве. Все меньше общего оставалось между двумя частями одного народа. В подобных обстоятельствах не могла не возрасти роль государства как всеохватывающей силы, способной соединить эти культурные "классы" в единое целое. Однако государство оказалось поставлено в условия, когда само было вынуждено нарушать статус-кво в обществе, ускоряя тем самым процесс культурного расслоения. Власть постоянно решала дилеммы. К примеру, такие. Государи предпринимали титанические усилия, чтобы заполучить практические знания европейцев, исключив при этом возможность их духовного влияния на русских людей, которое создавало угрозу для православия — главной, а иногда и единственной державной опоры. Борис Годунов отправил молодых людей учиться в Европу вместо вызова наставников в Россию. Но почти никто (а по свидетельству историков, вообще ни один) из посланных за знаниями не вернулся на родину. Тогда в XVII в. в Московию пригласили киевских и греческих монахов, знавших европейские науки, но все-таки православных. Этот прием, впрочем, не смог предотвратить расцветание новых идей в российском обществе.

В конце концов власть была принуждена сделать выбор между такими уже вполне европейскими личностями, как, например, Матвеев или Ордин-Нащокин и ревнителями старины. Повод не заставил себя ждать. Разгорелся спор в связи с начатой по инициативе верхов работой по исправлению церковных книг. В нем власть поддержала

---

* *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М., 1990. С. 330.

молодых, преимущественно малороссийских богословов. Но пошел вопль от старых исправителей книг, оскорбленных обвинениями в их искажении. Стоило, однако, раздаться кличу — вера в опасности, ее "переменяют", как слова эти нашли сильный отзыв, тем более что и в других сферах уже началось движение к новому, ранее не известные обычаи бросались в глаза, раздражали. Пришли люди, провозгласившие наступление "последних времен" и надобность "стать и помереть за веру". Возникло массовое движение. Явился раскол*.

Раскол — важнейший пункт российской истории. Им заканчивается первый ее цикл. С него же начинается следующий. Раскол — это внешнее проявление гетерогенного, неорганического характера российской культуры. Исподволь протекавшее культурное расслоение превратило государство в единственного гаранта целостности народа. Но оно же пребывало одновременно и гарантом общественного развития. Власть не только не могла приостановить дальнейшую стратификацию, но и выступила катализатором данного процесса. В стремлении преодолеть общественный кризис вначале она широко открыла двери России для европейского опыта, а затем, пытаясь адаптировать его к российским условиям, вынуждена была приступить к реформированию православной государственной идеологии. Эти меры чрезвычайно ускорили процесс и привели общество к окончательному расколу.

Положение власти оказалось незавидным. Она очутилась, если говорить иносказательно, между Сциллой с ее собачьими головами и зевом-водоворотом Харибды, и ощущения у нее (власти) были, думается, сродни одиссеевым. С одной стороны, государством же востребованные реформаторы желали решительных перемен везде и во всем. Критика распространялась как эпидемия. В рассылаемых по всей стране "обличительных письмах" бичевались казавшиеся незбылемыми вековые устои и нравы. Власть не хотела, да и не могла двигаться вперед столь быстро, как того требовали сторонники прогресса. Сам государь Алексей Михайлович был человеком переходного времени. Не чуждый "новым веяниям", мягкий, склонный к компромиссам, он в то же время оставался целиком в плену традиций**. Между властью и нетерпеливыми приверженцами перемен все чаще стали возникать трения, и многие из последних не избежали опалы. С другой стороны стояли защитники старины, "раскольники", яростно выступившие против нововведений. За ними была сила, шли огромные массы людей. Но лозунг этого движения, ярко сформулированный протопопом Аввакумом, — "До нас положено, лежи оно так во веки веков", был совершенно неприемлем с точки зрения государственных интересов России. Потому власть должна была вести беспощадную борьбу с раскольниками***.

Для понимания исторического момента полезно вспомнить психологически тонкую характеристику В.Ключевского: "Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он еще крепко

---

* Соловьев СМ. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 448.

** Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 108.

*** Соловьев СМ. Чтения и рассказы по истории России. С. 448.

упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении. Он вырос вместе с поколением, которое нужда впервые заставила заботливо и тревожно посматривать на еретический Запад в чаянии найти там средства для выхода из домашних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины... Люди прежних поколений боялись брать у Запада даже материальные удобства, чтобы ими не повредить нравственного завета отцов и дедов, с которым не хотели расставаться, как со святыней; после у нас стали охотно пренебрегать этим заветом, чтобы тем вкуснее были материальные удобства, заимствуемые у Запада. Царь Алексей и его сверстники не менее предков дорожили своей православной стариной; но некоторое время они были уверены, что можно щеголять в немецком кафтане, даже смотреть на иноземную потеху "комедийное действо" и при этом сохранить в неприкосновенности те чувства и понятия, какие необходимы, чтобы с набожным страхом помышлять о возможности нарушить пост в крещенский сочельник до звезды"*.

Раскол, на мой взгляд, есть нечто большее, чем историческое явление, обычно обозначаемое данным термином. Это не столько массовое движение второй половины XVII в., сколько сущность нового типа российской культуры, пришедшего на смену культуре Московии. Это была особая, единая, но внутри себя расчлененная *надвое* культура. В одном народе как бы сосуществовали два социума, различавшиеся между собой не условиями жизни, а своим бытом, ментальностью и даже таким индикатором культуры, как язык. Иногда кажется, что "верхи" и "низы" (условно) российского общества в XVII—XIX вв. имели разную историю, настолько велика пропасть между ними. На самом деле то были две ветви одной культуры, а сама раздвоенность — определенный способ ее бытия в рамках данного исторического периода.

Таким образом, начав реформы, власть спровоцировала давно назревавшую культурную революцию. Не Петр, сын царя Алексея, изменил Русь, напротив, когда он вззошел на трон, перед ним уже лежала другая Россия, где господствовала новая, двулика, как Янус, культура. Поэтому задача, стоявшая перед властью, усложнилась. Она не только должна была довершить реформы, направление которых было предопределено историческим развитием последних полутора столетий, но и приспособиться к новой культурной среде, к пронизавшему общество расколу, к культурному противостоянию, разрывавшему народ на части.

Раскол может быть понят и как цивилизационное явление. Он был новой фазой в развитии присущего российской культуре противоречия, которое, при всей своей уникальности, изменялось соответственно "универсалиям" эволюции, а именно: "На поверхности явлений развивающееся сущностное противоречие До определенного момента выступает в облике разнообразных форм Движения, которые носят — как ни парадоксально — непротиворечи-

* Ключевский В.О Исторические портреты С 108

вый характер"* . Очевидно, что именно в таком скрытом виде противоречие между общинным и личностным началами в российской культуре проявляло себя в эпоху Московского царства. По мере созревания непротиворечивые формы сменяются непосредственным проявлением противоречия в виде антиномии, конфронтации внешне обособленных противоположностей. Раскол как раз и свидетельствовал, что развитие противоречия, определявшего характер российского типа культуры, вступило в эту новую, открытую фазу. Борьба двух начал в российской культуре проявилась на поверхности в виде борьбы между собой двух культурных "классов" — европеизированных "верхов" и патриархальных (азиатского "стиля") "низов".

Общество не могло долго оставаться в расколотом состоянии, иначе оно неминуемо погибло бы. Противоречие должно было перейти в следующую фазу, когда движение противоположностей опосредствуется каким-либо третьим началом**. Именно такую роль в отношениях между двумя культурными "классами" общества сыграло государство. Выступив вначале как обыкновенный медиатор, оно постепенно вобрало в себя обе крайности и превратилось в итоге в опосредствование самого себя. В данном определении и скрывается, на мой взгляд, загадка происхождения и существования Российской империи.

К концу XVII в. становится заметным, что основное общественное противоречие как бы *удваивается*. Наряду с выраженным противостоянием отмеченных культурных слоев внутри общества вполне отчетливо вырисовывается противоречие между обществом в целом и государством. В этой сложной фигуре взаимоотношений положение государства было довольно двойственным. С одной стороны, чем дальше культурные крайности расходились между собой, тем труднее было государству управлять общественными процессами, тем менее эффективной была его деятельность. С другой — чем острее становилась общественная борьба, тем более угрожающе государственная власть возвышалась над ослабленным народом. Ни один из станов не представлял из себя сколь-нибудь мощной самостоятельной силы, на которую власть могла бы опереться: "Ученые, призванные в Москву для защиты православия научными средствами, разногласят друг с другом..."***. Но и на другом, патриархальном, ортодоксальном берегу не было единства: "Отвергнувши раз авторитет церковного правительства... раскол... должен был распыляться на множество толков по множеству толковников"****. В мире борющихся "партий" одна власть сохранялась как монолит. И чем больше их было, тем сильнее на этом фоне выглядело государство.

Силу и бессилие власти — вполне заурядный парадокс политики — познало и российское общество. По мере снижения результатов своей деятельности государство становилось все более мощным в сравнении с обществом. Рано или поздно оно должно было поглотить общество вместе со всеми его противоречиями. Однако старое

* Горлянский В.А., Горлянская М.Н. Единство противоречий и законов общества. — В кн.: Соотношение противоречий и законов общества. Горький, 1981. С. 63.

** См. подробнее о движении противоположностей: Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, Ч. 1. С. 288.

*** Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. С. 453.

**** Там же. С. 328.

государство эпохи Московского царства было не в состоянии сделать это. Оно "разрывалось на части", пытаясь *раздельно* решить две задачи: сохранить единство общества и стимулировать его развитие. Нужно было реформировать само государство, чтобы совместить обе цели. Успех здесь пришел к энергичному Петру. Для его государства сохранение и культурное развитие России — уже не разные задачи, а лишь стороны *одного процесса*. Такое государство занимает по отношению к обществу активную позицию и почти мгновенно "проглатывает" его, разом огосударствляя все ранее самостоятельные сферы общественной жизни. Вместе с тем и раскол принимает государственную форму. Противоречие, бывшее причиной возникновения двух непримиримых культурных "классов", стало с того момента содержанием государства. Власть окончательно приняла вид *обруча*, намертво обхватившего общество и не дававшего ему распасться вследствие борьбы враждующих группировок.

Опосредствование есть, безусловно, высшая форма движения противоречия, но не его разрешение. Это обнаруживается, когда на определенном этапе развития противоречия его противоположности начинают сталкиваться, ломая сложившиеся опосредствующие связи*. Если в допетровскую эпоху раскол был чем-то внешним для власти и усиливавшееся культурное расслоение народа не ослабляло государство непосредственно, то в эпоху Империи раскол стал его внутренним моментом жизнедеятельности. Поэтому внешне незаметное, непрекращавшееся углубление раскола непрерывно подтачивало устои державности. После того как российское общество оказалось поглощенным государством, все то, что раньше ослабляло общество, стало впрямую истощать власть. С момента наибольшего возвышения государства над обществом началось разрушение именно государства.

Российская цивилизация между тем продемонстрировала потенциал своей устойчивости. В пределах Империи, даже при углублении раскола, начался встречный ему процесс. Благодаря сдерживающему, опосредствующему влиянию государства, отталкивание двух внешне обособленных культур было ограниченным. Накрепко прикованные властью друг к другу, они вынуждены были взаимодействовать между собой. На границе этого взаимодействия, там, где культурные "волны" накатывались друг на друга, зарождалась третья сила — некая *синкретическая* культура, в которой противоречие между общинным и личностным началами находило не мнимое, временное, а действительное разрешение.

Таким образом, в Российской империи одновременно протекало два разнонаправленных культурных процесса. Углублялся распад общества на два культурных "класса". Вместе с тем в постоянном их столкновении возникал третий "класс", который был носителем и новой культуры. Опять политический парадокс: третья сила, развиваясь, действовала в отношении российской государственности в том же направлении, что и раскол, — ослабляя власть, подрывая ее устои. Это вполне естественно. Ведь государство было не альтернативой расколовшейся культуре, а ее органическим продолжением,

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 124.

опосредствованием заключенного в ней противоречия. Значит, рождавшаяся из раскола новая ипостась российской культуры, в которой должно было найти свое разрешение основное цивилизационное противоречие, была враждебна не только самому расколу, но и созданной им государственности, отторгала ее от себя.

Однако было *отличие*. Раскол разрушал государственность passively, ослабляя ее самим фактом своего существования, т.е. неповиновения части общества. Новая культура боролась с властью активно, с самого начала демонстрируя свою агрессивность. С течением времени она будет в силе *взорвать российское государство* и вместе с ним уничтожить собственные культурные предпосылки. Но до сего момента новая культура должна была получить адекватное социальное, идеологическое и политическое воплощение в действительности, оформиться как новый культурный "класс", со своей идеологией и политическими представителями. На это ушло более полутора веков.

В первые десятилетия Империи не могло быть и речи о том, что *рядом* с властью в обществе образуется какая-нибудь иная социальная, политическая или духовная сила. Кроме всего прочего, поначалу власть вбирала в себя почти весь образованный класс российского общества, и иногда казалось, что они тождественны между собой. Некоторое время власть была не только политическим, но и единственным *духовным центром* общества. Но такое положение оказалось возможным до тех пор, пока социальная база власти была очень узка. Это затрудняло обеспечение стабильности режима (подтверждением здесь служит период "дворцовых переворотов"), потому государство стремилось к расширению своей опоры. Лишь к началу XIX в. произошло "отделение дворянства от государства" и власть выступила уже представителем обоих культурных "классов" общества. Именно на данной стадии развития государство окончательно превратилось из посредника между двумя внешне обособленными культурами в опосредствование самого себя.

По мере расширения социальной базы власть утрачивала свое монопольное право быть просвещенной в темной стране: "образованный класс" стал *шире*, чем государство. Возникло, если так можно выразиться, "диссидентство". Его представляли, естественно, выходцы из аристократических слоев. Это еще не новый культурный "класс", но уже его предтеча. Происходило нечто вроде удвоения идеологии. Наряду с официальными появились и неофициальные взгляды на народ, политику, экономику, а также опальные идеологи: Новиков, Щербатов, Радищев. Торжество окончательного становления Империи при Николае I было омрачено восстанием декабристов. После прямого столкновения между государством и аристократической оппозицией развитие перешло в новую стадию, когда накапливались не столько количественные, сколько качественные изменения. Началось непосредственное оформление того специфического культурного "класса", который впоследствии был назван *"российской интеллигенцией"*.

Пока формирование интеллигенции происходило в недрах европеизированного, образованного, а главное — властвовавшего культурного "класса", основным для нее был вопрос об отношении к

противоположности — народу, представленному большей частью патриархальным крестьянством. Потому вначале интеллигенция разделилась по преимуществу на "западников" и "славянофилов", которые выясняли отношения между собой, однако социальный состав интеллигенции стремительно менялся. Экономическое развитие России шло полным ходом, что требовало распространения образования уже на весьма значительные массы населения: просвещенные слои российского общества стали заметно шире европеизированного культурного "класса". Существеннейший момент: у выходцев из народной среды образованность сочеталась с патриархальными взглядами и предрассудками. Внутри интеллигенции они сравнительно быстро обособились. Вопрос об отношении к "народу" был для них менее актуальным и болезненным, чем для интеллигентов, происходивших из высших слоев общества, так как разночинцы сохранили непосредственно "народное" мироощущение. Зато у них гораздо сильнее была тяга к практическому переустройству народного быта, господствовавших общественных отношений. На какое-то время внешнее противоречие между европеизированным и патриархальным "культурными типами" в России *интериоризировалось* как противоречие между различными течениями внутри интеллигенции. Прения западников и славянофилов утрачивали актуальность. Их сменили разногласия с далеко идущими политическими последствиями: между либералами, представленными главным образом выходцами из дворянско-буржуазной среды, и народниками, преимущественно разночинцами.

Это была качественно иная фаза становления интеллигенции как нового культурного "класса". На ней происходило *раздвоение* единого, целостного. Я уже пытался показать, как двумя веками ранее раскол в обществе породил внутреннее двоение государственных функций прежде, чем государство оказалось готовым "поглотить" ослабленное общество. Теперь же раскол в государстве вызвал к жизни раздвоение в среде интеллигенции прежде, чем она созрела для того, чтобы подчинить себе терявшие силы государство.

Либерализм и народничество как течения внутри российской интеллигенции были односторонними, причем каждое в своем роде. Либерализм, родившийся из взаимопреодоления западничества и славянофильства, был одинаково критичен относительно как искусственного европеизма верхов, так и традиционной патриархальности народа. Вместе с тем ему недоставало активного, волевого начала, необходимого для свершения практического переворота в общественных отношениях. Народничество было движением "энергии и воли", но оно совершенно не критично, абсолютно отвергало культуру "верхов" и фетишизировало культуру "низов".

Дальнейшее историческое развитие требовало, чтобы рационализм и воля соединились в одно целое. За два века до того для утверждения внутреннего единства государственных устремлений понадобилось, чтобы к власти пришло новое поколение деятелей. Теперь же, чтобы соединить волю и рационализм, была нужна *новая генерация* интеллигенции.

"Новые люди" появились в среде российской интеллигенции в 80-е годы XIX в. На смену романтическому и эмоциональному приходит

жесткий и большей частью прагматичный тип личности*. Идейной же формой, в которой осуществился синтез воли и рационализма, стал "русский марксизм". Он имел мало общего со своим прародителем. Просто интеллигенция, к тому часу полностью сложившаяся как особый культурный "класс", нуждалась в адекватной ее устремлениям идеологии. Как это уже не раз бывало (и будет еще) в российской истории, соответствующая идеологическая система была импортирована с Запада и приспособлена к "домашним" потребностям. Данный процесс был растянут во времени. Окончательная адаптация европейского марксизма к российским условиям завершилась с появлением большевизма.

Большевизм был наиболее полным, законченным и логически последовательным воплощением *нового типа* российской культуры — своеобразного и неповторимого *синтеза европеизма и патриархальности, индивидуальности и коллективности*. Иными словами, большевизм есть итог развития интеллигенции как особого культурного "класса", возникшего на стыке двух основополагающих начал российской культуры. Правда, интеллигентская среда дала жизнь и другим направлениям. Но именно в большевизме присущие российско-интеллигентскому типу черты воплотились в наиболее адекватном, очищенном от исторических случайностей виде.

Большевизм знаменует собой завершение культурного развития интеллигенции. В его рамках происходит политическое оформление этого нового культурного "класса" в протогосударственное образование. То, что Лениным было осторожно названо "партией нового типа", было на деле зачатком *государственности будущего*. Следовательно, не только в недрах старой культуры развивался новый "культурный тип", но и в недрах старого государства рождалось новое. Победа этого нового государства над изжившим себя, его переход из политического небытия в бытие означали, как представляется, *конец эволюции* российской интеллигенции, выполнившей, таким образом, свою историческую миссию.

"Обрыв" исторического развития в 1917 г., деление истории на российскую и советскую существуют, думается, лишь в воображении многих, а не в действительности. Советская история логически продолжает линию развития цивилизации, идущую через Российскую империю от самого Московского царства. Современные же попытки обосновать представления о революции как о бессмысленной трагедии — опять же пример "науки отрицания". Хотя, признаться, нелегко в сотый раз вслед за другими доказывать, что в истории не существует страниц, крупных событий, лишенных целесообразности, а "белые пятна" есть в ней для тех, кто не хочет или не умеет читать. История создает даже тогда, когда разрушает. Задача историко-политической науки видится мне не в критике революции, а в понимании ее на новом уровне знания, уяснении того, в чем, собственно, состоит ее исторический *смысл*.

Октябрьскую революцию действительно трудно объяснить, если смотреть на нее как на обыкновенную социальную революцию, в ходе которой происходит смена одного экономически господствующего класса другим. Ее подготовил и осуществил особый, не

---

* Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Л, 1990. С. 79.

экономический, а культурный класс. Только в мифологии большевизма он был передовым отрядом пролетариата. В реальности это был авангард российской интеллигенции.

Победа революции означала прежде всего успех нового "культурного типа". Он был рожден старой культурой и одновременно глубоко враждебен ей. Исторический смысл революции состоял именно в том, в чем этот тип разнился с предшествовавшим. При сравнении можно найти массу сходств и различий. Однако главной родовой чертой нового "культурного типа" была его *гомогенность*, внутреннее единство. В его рамках преодолевался раскол, присущий культуре эпохи Империи. Таким образом, историческое значение революции состояло, на мой взгляд, в преобразовании раскола, раздвоенности российской культуры, что означало *преодоление ее неорганичности*. В возобладавшем "культурном типе" личностное и общинное начала уже не являлись чем-то раздельным внутри целого. Теперь это были лишь разные стороны, моменты единого. Каким бы ужасным ни казался постреволюционный культурный "класс" в сравнении с "классами" предшествовавшей эпохи, он имел перед последними одно неоспоримое преимущество — был *органичным*.

Большевистская революция естественно вписывается в логику российской истории. Ею завершается длительный, многовековым процесс трансформации культуры, ее *движения от неорганичности к органичности*. Эта революция замыкает череду скачкообразных культурных "подвижек", которые несколько раз на протяжении истории потрясли общества. После нее начинается совершенно новый цикл развития России — "развертывания" ее уже вполне органичной культуры.

Означает ли вышесказанное, что революция была неизбежной? Для ответа нужно; провести разграничение между исторически необходимым и исторически случайным. *Исторически необходимым* следует признать преодоление раскола. Культурное противостояние к концу XIX в. стало главным тормозом общественного развития, что постепенно осознавалось на самых различных уровнях. К примеру, столыпинская программа была контрастна по отношению к проектам российской революции. Однако она нацеливалась на решение тех же вопросов, которые впоследствии были разрешены революцией. Реформы Столыпина предполагали постепенное уничтожение пропасти между образованными слоями и патриархальной массой, что, в свою очередь, должно было подготовить то перемирие между властью и умеренными элементами общества, без которого он не видел спасения*. Таким образом, Столыпин стремился к созданию органичной культуры, но хотел достичь этого поэтапно, эволюционным путем.

Исторически случайным был именно способ, которым одолевался раскол. Как почти всегда в истории, была альтернатива — между стихийно-насильственным и управляемо-"либеральным" устранением культурного противоречия, раздиравшего Россию. Однако вероятность первого и второго вариантов была разной. Требовалось стечение слишком многих "счастливых" обстоя-

---

* Тимашев Н.С. Роль П.А. Столыпина в русской истории (Предисловие). — В кн.: Бок М.А. П.А. Столыпин, воспоминания о моем отце. М, 1992. С. 10.

тельств, чтобы раскол был "снят" "цивилизованно", под контролем власти. Это было маловероятно и потому не произошло. В итоге проблемы были решены стихийно в ходе революции.

В связи с этим следовало бы различать исторически необходимые и исторически случайные *последствия* Октябрьской революции. К исторически необходимым, а значит, неизбежным ее результатам можно отнести само преодоление раскола и установление господства нового "культурного типа". К исторически случайным, т.е. необязательным, эффектам — воздействие, оказанное на общество в целом и на каждую отдельную личность, революционного, насильственного способа "снятия" раскола. Настолько долго состояние российского общества определялось прежде всего тем, *как, каким способом* установился новый "культурный тип", что это мешало осознать совершенное, т.е. о *каком именно* "культурном типе" идет речь.

За представителем новой культуры, возобладавшей в результате революции, прочно закрепилось уничижительное название "гомо советикус". Его неприятный имидж стал в последнее время объектом инвектив. Однако те, кто сегодня активно бичуют нарицательные черты "гомо советикуса", как правило, не задаются вопросом, какие из них являются сущностными характеристиками данного "культурного типа", а какие — признаками, приобретенными в результате многолетнего применения по отношению к человеку чудовищного насилия, порожденного революцией.

Если отказать от мифологизации российской интеллигенции, то можно обнаружить, что многие из приписываемых "гомо советикусу" черт вполне соответствуют душевному строю "русского интеллигента" XIX в. Обращусь за подтверждением сказанного сразу к двум авторитетным суждениям. Н. Бердяев писал: "При поверхностном взгляде кажется, что в России произошел небывалый по радикализму переворот. Но более углубленное и проникновенное познание должно открыть в России революционный образ старой России, Духов, давно уже обнаруженных в творчестве наших великих писателей, бесов, давно уже владеющих русскими людьми. Многие старое, давно знакомое является лишь в новом обличье"*.

Или еще В. Муравьев отмечал: "Революция произошла тогда, когда народ пошел за интеллигенцией. Конечно, народ по совершенно не зависящим от последней причинам должен был куда-то идти. Великое народное движение, во всяком случае, должно было произойти в результате кризиса русской жизни, усугубленного войной. Но путь, по которому пошел народ, был указан ему интеллигенцией"***.

Однако интеллигентское мирозерцание, став *народным мировоззрением*, т.е. будучи таким образом многократно растиражированным, утратило определенность и остроту, сделалось более сглаженным, аморфным. Во много раз снизился уровень образованности, малозаметной стала одержимость, обостренность воли. И свету явилась та безликая и агрессивно-пассивная посредственность, которая известна сегодня под именем "гомо советикус".

---

* Бердяев Н.А. Духи русской революции. — В кн.: Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 55.

** Муравьев В.Н. Рев племени. — В кн.: Из глубины... С. 196.

Каким бы существенным ни казалось на поверхности различие между "гомо советикусом" и российским интеллигентом — это представители *одного* "культурного типа". У них общий главный отличительный признак — синтез индивидуального, личностного и коллективного, общинного начал в *единое органическое целое*. Поэтому, несмотря на свои внешне отталкивающие характеристики, "гомо советикус" исторически является представителем более высокого, прогрессивного типа культуры, чем культура раскола. В подобной культуре общинное начало уже не проявляет себя непосредственно, а как бы *интериоризировано* личностью. И в этом смысле в результате революции Россия, вслед за Европой, самобытно завершает процесс индивидуализации. Но "Азия" теперь как бы живет отдельно в душе каждого индивида. Сознание новоиспеченной — органичной — личности еще насквозь проникнуто общинным духом.

И здесь вновь парадокс — общинное, азиатское начало выделяется в "гомо советикусе" как типе больше, чем тогда, когда оно непосредственно господствовало в российской культуре. Тысячекратно усиливается внешнее противоречие между острым сочетанием европеизма и азиатчины, оно приобретает совершенно особый "привкус". Подобный парадокс вполне объясним. Общинное начало по своей природе пассивно. Непосредственно присутствуя в русской культуре, оно не сильно бросалось в глаза, поскольку фон определялся личной активностью небольшого европеизированного "класса". В опосредствованном виде, проявленное через энергию миллионов индивидов, оно создает такую яркую картину, что истинная причина (благодаря которой достигается столь мощный эффект) — личностное начало — перестает быть заметным.

"Гомо советикус" был и есть *закономерный итог* российского культурного развития. Энергия более чем двухвекового противостояния "верхов" и "низов", Европы и Азии вроде бы разрядилась, образовав внешне однообразную массу посредственных субъектов. На самом деле — это очень *энергетически насыщенная протоплазма*, способная стать "питательной средой" для новой культурной "подвижки" (скачка) России. "Гомо советикус" — первый массовый тип личности, рожденный на почве российской культуры. Но очень долгое время облик этой личности определялся не ее действительной сущностью, а тем насилием, при помощи которого она появилась на свет и развивалась в эпоху коммунистического тоталитаризма.

Парадокс состоит в том, что появившаяся на свет после большевистской революции культура оказалась преддверием Нового времени в России.

Особенность вхождения России в эпоху модерна состоит в том, что российскому Новому времени предшествовал особый ("эмбриональный") период развития, в рамках которого происходило вызревание элементов культуры модерна. Это компенсировало отсутствие феодальных отношений, подготовивших европейское Новое время. Именно поэтому советскую эпоху можно, думается, обозначить — в зависимости от избранной точки отсчета — и как поздний квазифеодализм, и как ранний квазикапитализм.

Тезис о *советской культуре как протокультуре Нового времени* необходимо сопроводить двумя комментариями. На первый взгляд он

опровергается явной антибуржуазной направленностью Октябрьского переворота. Но на самом деле в ходе большевистской "революции" уничтожалась буржуазная культура одной десятой части общества и создавались условия для будущего (отнесенного на несколько десятилетий в историческом времени) усвоения буржуазной культуры девятью десятыми общества, находившимися в 1917 г. на дофеодальной ступени развития. Кроме того, понимание советской культуры в качестве эмбриональной формы российского Нового времени позволяет критиковать миф о тоталитаризме как состоянии общества, при котором прекращается (замораживается) всякое развитие. На поверхности советское общество казалось застывшим, но внутри него происходило весьма интенсивное развитие. Общество действительно было закрытым, но динамические процессы в нем от этого не останавливались. Если "ранний тоталитаризм" выглядит как феодализм, впитавший в себя достижения научно-технической революции, то "поздний тоталитаризм" похож на капитализм, обремененный пережитками феодализма и отсталой технической базой.

В этом смысле необоснованным выглядит популярное ныне отождествление коммунизма и фашизма. Конечно, определенное сходство режимов здесь существует, но оно не выходит за рамки сходства двух любых любых деспотических культур. В таком контексте коммунизм похож на империю Чингисхана и на Россию времен Ивана Грозного не меньше, чем на германский нацизм. Природа же фашизма и коммунизма различна. Фашизм есть патологическое развитие культуры Нового времени. Как и всякая патология, он выглядит дегенерацией, провалом в историческое прошлое, в деспотическое средневековье. Коммунизм — это преддверие культуры Нового времени, ее недоразвитие, строй, не вырвавшийся до конца из тисков средневековья.

Россия еще не вошла в свое Новое время. Поэтому все институты, характерные для европейского Нового времени, находятся в России и других осколках бывшего Советского Союза в эмбриональном состоянии. Ни один процесс, подготовлявший эпоху модерна, не был в России завершен. Здесь так и не произошла полная эмансипация политической власти, государство не приобрело значение всеобщего, и, как следствие, не сложилась нация. Только сегодня этот процесс вступает в завершающую стадию.